

Глава первая

Ленка неслась по узким, причудливо горбатым улочкам городка, ничего не замечая на своём пути.

Мимо одноэтажных домов с кружевными занавесками на окнах и высокими крестами телеантенн — вверх!..

Мимо длинных заборов и ворот, с кошками на их карнизах и злыми собаками у калиток — вниз!..

Куртка нараспашку, в глазах отчаяние, с губ слетал почти невнятный шёпот:

— Дедушка!.. Милый!.. Уедем! Уедем! Уедем!.. — Она всхлипывала на ходу. — Навсегда!.. От злых людей!.. Пусть они грызут друг друга!.. Волки!.. Шакалы!.. Лисы!.. Дедушка!..

— Вот ненормальная! — кричали ей вслед люди, которых она сбивала с ног. — Летит как мотоциклетка!

Ленка взбегала вверх по улице на одном дыхании, словно делала разбег, чтобы взлететь в небо. Она и в самом деле хотела бы тотчас взлететь над этим городком — и прочь отсюда, прочь! Куда-то, где ждали её радость и успокоение.

Потом стремительно скатывалась вниз, словно хотела снести себе голову. Она и в самом

деле была готова на какой-нибудь отчаянный поступок, не щадя себя.

Подумать только, что же они с нею сделали!
И за что?!

Глава вторая

Ленкин дед, Николай Николаевич Бессольцев, уже несколько лет жил в собственном доме в старом русском городке на берегу Оки, где-то между Калугой и Серпуховом.

Это был городок, каких на нашей земле осталось всего несколько десятков. Ему было больше восьмисот лет. Николай Николаевич хорошо знал, высоко ценил и любил его историю, которая как живая вставала перед ним, когда он бродил по его улочкам, по крутым берегам реки, по живописным окрестностям

с древними курганами, заросшими густыми кустарниками жимолости и березняком.

Городок за свою историю пережил не одно бедствие.

Здесь над самой рекой, на развалинах старого городища, стоял когда-то княжеский двор, и русская дружина насмерть дралась с несметными полчищами ханских воинов, вооружённых луками и кривыми саблями, которые с криками: «Та Русь! Та Русь!..» — на своих низкорослых крепких конях пытались переправиться с противоположного берега на этот, чтобы разгромить дружину и прорваться к Москве.

И Отечественная война 1812 года задела городок своим острым углом. Армия Кутузова тогда пересекла его вереницей солдат и беженцев, повозок, лошадей, лёгкой и тяжёлой артиллерии со всевозможными мортирами и гаубицами, с запасными лафетами и полевыми кузницами, превратив и без того худые местные дороги в сплошное месиво. А потом по этим же дорогам русские солдаты с непомерной, почти нечеловеческой отвагой, не щадя живота своего, днём и ночью, без передыха гнали измученных французов обратно, хотя совсем было непонятно, откуда они взяли силы. После такого длинного отступления, голода и эпидемий.

И отсвет завоевания Кавказа русскими коснулся городка — где-то здесь в великой печали жили пленный Шамиль и горцы, которые его сопровождали. Они слонялись по узким улоч-

кам, и их безумный тоскующий взор напрасно искал на горизонте гряды гор.

А первая империалистическая как буря унесла из городка всех мужчин и вернула их наполовину калеками — безрукими, безногими, но злыми и бесстрашными. Свобода была дороже им собственной жизни. Они-то и принесли революцию в этот тихий, маленький городок.

Потом, много лет спустя, пришли фашисты — и прокатилась волна пожаров, виселиц, расстрелов и жестокого опустошения.

Но прошло время, окончилась война, и городок вновь возродился. Он стоял теперь, как и прежде, размашисто и вольно на нескольких холмах, которые крутыми обрывами подступали к широкой излучине реки.

На одном из таких холмов и возвышался дом Николая Николаевича — старый, сложенный из крепких брёвен, совершенно почерневших от времени. Его строгий, простой мезонин с прямоугольными окнами затейливо украшали четыре балкончика, выходящие на все стороны света.

Чёрный дом с просторной, открытой ветрам террасой был совсем не похож на весёлые, многоцветно раскрашенные домики соседей. Он выделялся на этой улице, как если бы суровый седой ворон попал в стаю канареек или снегирей.

Дом Бессольцевых давно стоял в городке. Может быть, более ста лет.

В лихие годы его не сожгли.

В революцию не конфисковали, потому что его охраняло имя доктора Бессольцева, отца Николая Николаевича. Он, как почти каждый доктор из старого русского городка, был здесь уважаемым человеком. При фашистах он устроил в доме госпиталь для немецких солдат, а в подвале в это время лежали раненые русские, и доктор лечил их немецкими лекарствами. За это доктор Бессольцев и был расстрелян, здесь же, посреди своего широкого двора.

На этот раз дом спасло стремительное наступление Советской армии.

Так дом стоял себе и стоял, всегда переполненный людьми, хотя мужчины Бессольцевы, как и полагалось, уходили на разные войны и не всегда возвращались.

Многие из них остались лежать где-то в безвестных братских могилах, которые печальными холмами разбросаны повсеместно в Центральной России, и на Дальнем Востоке, и в Сибири, и во многих других местах нашей земли.

До приезда Николая Николаевича в доме жила одинокая старуха, одна из Бессольцевых, к которой всё реже и реже наезжали родственники — как ни обидно, а род Бессольцевых частично рассыпался по России, а частично погиб в борьбе за свободу. Но всё же дом продолжал жить своей жизнью, пока однажды разом не отворились все его двери и несколько мужчин молча, медленно и неловко вынесли из него на руках гроб с телом сухонькой старушки и отнесли на местное кладбище. После

этого соседи заколотили двери и окна бессольцевского дома, забили отдушины, чтобы зимой дом не отсырел, прибили крестом две доски на калитку и ушли.

Впервые дом оглох и ослеп.

Вот тут-то и появился Николай Николаевич, который не был в городке более тридцати лет.

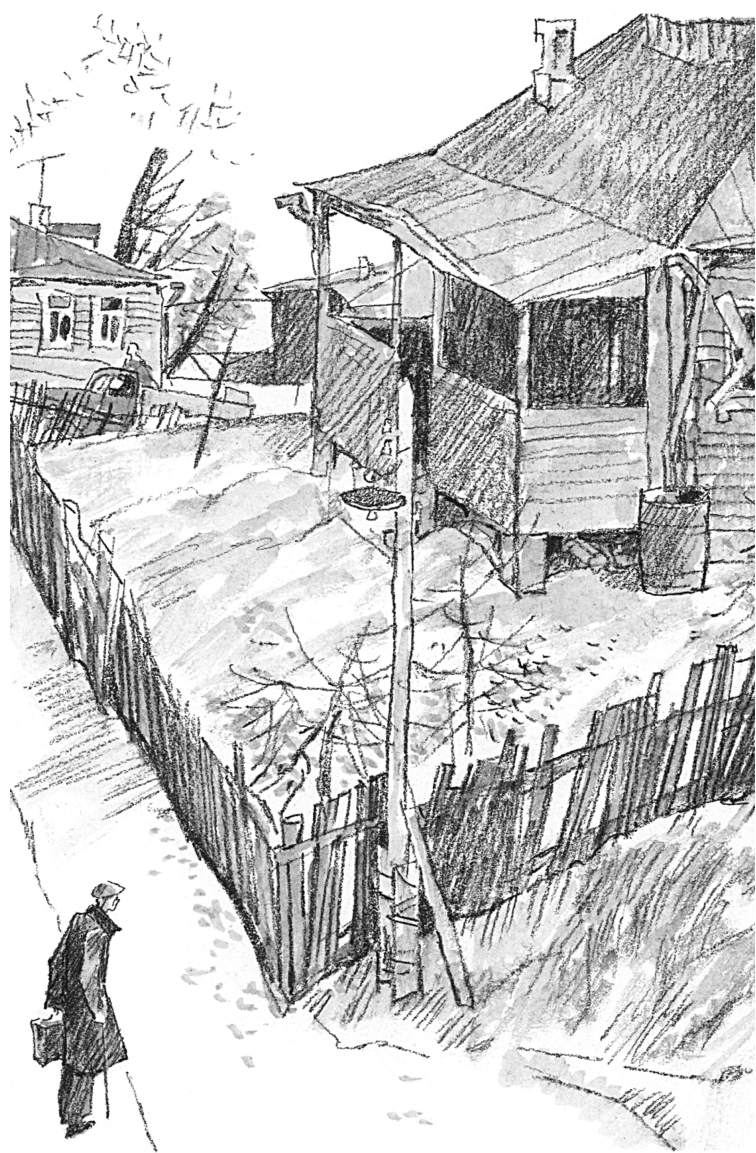
Он только недавно похоронил свою жену и сам после этого тяжело заболел.

Николай Николаевич не боялся смерти и относился к этому естественно и просто, но он хотел обязательно добраться до родного дома. И это страстное желание помогло ему преодолеть болезнь, снова встать на ноги, чтобы двинуться в путь. Николай Николаевич мечтал попасть в окружение старых стен, где длинными бессонными ночами перед ним мелькали бы вереницы давно забытых и вечно памятных лиц.

Только стоило ли ради этого возвращаться, чтобы на мгновение всё это увидеть и услышать, а потом навсегда потерять?

«А как же иначе?» — подумал он и поехал в родные края.

В страшные часы своей последней болезни, в это одиночество, а также в те дни, когда он буквально погибал от военных ран, когда нет сил ворочать языком, а между ним и людьми появлялась временная полоса отчуждения, голова у Николая Николаевича работала отчётливо и целеустремлённо. Он как-то особенно остро ощущал, как важно для него, чтобы не порвалась тоненькая ниточка, связывающая его с прошлым, то есть — с вечностью...

Целый год до его приезда дом простоял заколоченный. Его поливали дожди, на крыше лежал снег, и никто его не счищал, поэтому крыша, и так уже давно не крашенная, во многих местах прохудилась и проржавела. А ступени главного крыльца совсем прогнили.

Когда Николай Николаевич увидел свою улицу и свой дом, сердце у него заколотилось так сильно, что он испугался, что не дойдёт. Он постоял несколько минут, отдышался, твёрдым военным шагом пересёк улицу, решительно оторвал крест от калитки, вошёл во двор, отыскал в сарае топор и стал им отрывать доски от заколоченных окон.

Неистово работая топором, забыв впервые о больном сердце, он думал: главное — отколотить доски, открыть двери, распахнуть окна, чтобы дом зажил своей постоянной жизнью.

Николай Николаевич закончил работу, оглянулся и увидел, что позади него, скорбно сложив на груди руки, стояло несколько женщин, обсуждающих его, прикидывая, кто бы из Бессольцевых мог это быть. Но они все были ещё так молоды, что не могли знать Николая Николаевича. Перехватив его взгляд, женщины заулыбались, сгорая от любопытства и желания поговорить с ним, но он молча кивнул всем, взял чемоданчик и скрылся в дверях.

Николай Николаевич ни с кем не заговорил не потому, что был так нелюдим, просто каждая жилка дрожала у него внутри при встрече с домом, который был для него не просто дом, а его жизнь и колыбель.

По памяти дом всегда казался ему большим, просторным, пахнущим тёплым воздухом печей, горячим хлебом, парным молоком и свежевывытыми полами. И ещё когда Николай Николаевич был маленьким мальчиком, то всегда думал, что у них в доме живут не только «живые люди», не только бабушка, дедушка, папа, мама, братья и сёстры, приезжающие и уезжающие бесчисленные дяди и тёти, а ещё и те, которые были на картинах, развешанных по стенам во всех пяти комнатах.

Это были бабы и мужики в домотканых одеждах, со спокойными и строгими лицами.

Дамы и господа в причудливых костюмах.

Женщины в расшитых золотом платьях со шлейфами, со сверкающими диадемами в высоких причёсках. Мужчины в ослепительно-белых, голубых, зелёных мундирах с высокими стоячими воротниками, в сапогах с золотыми и серебряными шпорами.

Портрет знаменитого генерала Раевского, в парадном мундире, при многочисленных орденах, висел на самом видном месте.

И это чувство, что «люди с картин» на самом деле живут в их доме, никогда не покидало его, даже когда он стал взрослым, хотя, может быть, это и странно.

Трудно объяснить, почему так происходило, но, будучи в самых сложных переделках, в предсмертной агонии, на тяжкой кровавой работе войны, он, вспоминая дом, думал не только о своих родных, которые населяли его, но и о «людях с картин», которых он никогда не знал.